

НОВЫЙ
РОМАН
ЧИНГИЗА
АБДУЛЛАЕВА

Чингиз Абдуллаев

– Что произошло? –
перебил его Эльдар. –
Ты говоришь таким
голосом, словно
тебя опять посылают
в Вильнюс.
– Все еще хуже, чем ты
думаешь, –
пробормотал Сергеев. –
Мы нашли твоего
Петухова. Долго
искали, но нашли. Он
сейчас в морге...

Распад
Обреченная
весна

ЭКСМО

Распад

Чингиз Абдуллаев
Обреченная весна

«PEN-клуб»

2011

Абдуллаев Ч. А.

Обреченная весна / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
2011 — (Распад)

Работника Бакинской прокуратуры Эльдара Сафарова переводят в Москву. Теперь он стал инструктором административного отдела. Здесь Эльдар знакомится с женой дипломата Светланой. В день знакомства с Эльдаром она узнает о том, что ее брат, известный музыкант Вячеслав Томин, убит в своей квартире. Эльдар обещает Светлане взять расследование убийства Вячеслава под свой контроль. Он выясняет, что за несколько дней до своей смерти музыкант был с гастрольями в Перми, где встречался с гравером фабрики Гознака Петуховым. Через несколько дней после этой встречи Петухов также был убит. Сафаров понимает: эти убийства взаимосвязаны и замешены на больших деньгах. Очень больших...

© Абдуллаев Ч. А., 2011

© PEN-клуб, 2011

Содержание

Глава 1	5
Ремарка	10
Глава 2	11
Ремарка	18
Глава 3	19
Ремарка	23
Глава 4	24
Ремарка	30
Ремарка	31
Глава 5	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Чингиз Абдуллаев

Распад. Обреченная весна

Ужаснее же всего, если мы не будем твердо придерживаться раз принятых решений и не поймем, что государство с худшими, но неизменными законами гораздо могущественнее того, которое имеет законы прекрасные, но не приводимые в исполнение. Что даже необразованность при твердости характера гораздо лучше, чем смывленность при бесхарактерности для государственного деятеля. Что люди попроще являются гораздо лучшими исполнителями в государственных делах, чем люди смывленные, но не практичные.

Клеон, афинский стратег

Государство, способное вызывать к жизни силы людей, но неспособное обуздать их, именуется «государством, атакующим само себя», и оно непременно будет расчленено.

Шан Цзюнь Шу, литературный памятник Китая, IV век до н. э.

В тысячелетней истории России это был самый страшный год. Год всеобщего распада. Год, когда держава, собираемая царями, полководцами, героями и авантюристами, рухнула в одночасье. Год, после которого все перемены стали необратимыми. Год начала большой крови, во время которого вспыхнули гражданские войны в Таджикистане и в Грузии, запылали уже начавшиеся конфликты в Нагорном Карабахе, Осетии, Абхазии, Ингушетии, Приднестровье, Киргизии, были заложены истоки двух чеченских войн, а распад Югославии и Чехословакии стал неотвратимой реальностью. Год, перевернувший современную историю и повлиявший на развитие мировой цивилизации, уничтожив вторую супердержаву мира. Год, после которого террористические акты, взрывы и диверсии станут реальностью не только в России, но и во многих соседних республиках. Год больших надежд и больших разочарований, страха и ненависти.

И вместе с тем этот год стал годом, отсчитывающим новую историю для народов большой страны и изменившим судьбу трехсот миллионов людей, сделав их заложниками обстоятельств, вопреки их собственной воле.

Даже в середине XIII века, когда монголо-татары обрушились на Русь, даже в начале XIX, когда произошло наполеоновское нашествие, даже в середине XX, когда мировое зло испытывало страну на прочность, у нее не было таких потерь и таких жертв. В течение этого года самая большая в мире страна потеряет четверть своей территории и половину населения и уже никогда не оправится от этих потерь. Год 1991-й.

Глава 1

Сейчас он должен зайти и услышать решение сидящих там людей. Его утверждают прямо на Секретариате, как и полагается в подобных случаях. Он чувствовал волнение. Пожалуй, впервые в свои тридцать два года он испытывает волнение от назначения на такую невероятно высокую должность. Сейчас его позовут, и он услышит, что его, наконец, утвердили.

Эльдар Сафаров стоял рядом с остальными приглашенными и ждал, когда начнут рассматривать его вопрос. Он приехал в Москву только три дня назад и еще жил в постоянном представительстве своей республики, ожидая вызова на Старую площадь. Высокий, молодой – он сам знал, что выглядит моложе своих лет, ему редко давали его тридцать два. Очевидно, это генетика – его отец в шестьдесят выглядит пятидесятилетним. Около него нетерпеливо мерил шагами коридор какой-то генерал в милицмейской форме. Очевидно, его тоже должны были утверждать. Он был выше среднего роста, подтянутый, достаточно молодой, не больше сорока. Генерал заметно волновался, брови его нервно подергивались.

– Не нужно так волноваться, – посоветовал ему Сафаров. – Может, вам выпить воды, успокоиться?

– Ничего, – ответил генерал, – это у меня после ранения лицо дергается. После контузии.

– Вы были в Афганистане?

– Нет, – ответил генерал, – в Нагорном Карабахе. Под нашей машиной сработала мина. Двое, которые сидели впереди, погибли, двое на заднем сиденье остались в живых. Я был из второй двойки. Так и не узнали, кто поставил мину – азербайджанцы или армяне.

– Вы там служили? – помрачнел Эльдар.

– Был в служебной командировке, – пояснил генерал. – Извините, я не представился. Сергеев. Виктор Константинович Сергеев.

– А я – Эльдар Сафаров.

– Вы, наверное, из Баку, – понял Сергеев.

– Да, перевели в Москву. Вот, жду теперь назначения.

– Тогда все понятно. Я был в Карабахе с общей проверкой. Не думайте, что я участвовал в каких-то карательных операциях, – признался генерал.

– Я и не думаю. Кем вас утверждают?

– Первым замом в городском управлении. Считают, что после ранения эта должность мне подойдет, – невесело усмехнулся Сергеев. – Я ведь почти три месяца провалялся в больнице. А вас?

– Берут инструктором в административный отдел, – ответил Сафаров.

– Понятно. Значит, будете нашим начальником, – кивнул Сергеев, – административный отдел курирует правоохранительные органы. Вы раньше кем работали?

– В административном отделе ЦК партии Азербайджана. Заместителем заведующего отделом. А до этого – в органах прокуратуры.

– Значит, вы юрист по профессии? Выходит, что мы коллеги. Я тоже юрист. Только уже шестнадцать лет в МВД, в уголовном розыске начинал. – У него опять дернулась бровь.

Мимо них прошел солидный мужчина с большой папкой в руках. Он подозвал стоявшего у дверей невысокого мужчину в темном мешковатом костюме и о чем-то спросил его, передавая ему папку.

– Как вы думаете, там будут задавать какие-нибудь вопросы? – спросил Сергеев.

– Не знаю. Я здесь в первый раз. Сказали, что позовут. Может, и будут.

– А сам Хозяин будет? – шепотом осведомился Сергеев.

– Понятия не имею. – Эльдар хотел добавить, что, по слухам, сам Горбачев уже давно не ходит на заседания Секретариата, но передумал. Его могут услышать, а обсуждать самого Генерального секретаря в стенах ЦК КПСС, еще не будучи утвержденным инструктором, по меньшей мере глупо.

– Я плохо слышу левым ухом, – признался Сергеев, – боюсь, что могу не услышать их вопросов. И тогда скажут: какой ты генерал, если плохо слышишь? Правда, врачи обещают, что со временем слух восстановится.

– Генерала недавно получили? – понял Сафаров.

– Только пять месяцев назад. И сразу отправили в командировку. До этого служил в Фергане, еще в прошлом году. Там тоже было не совсем спокойно.

– Представляю, – пробормотал Сафаров. – А меня решили перевести сюда еще летом, но каждый раз что-то откладывалось. Я уже решил, что они передумали, но, наконец, все-таки вызвали.

К ним подошел мужчина невысокого роста с папкой в руках.

– Я сейчас проверю по списку всех присутствующих, кто приглашен на Секретариат, – громко сказал он, открывая папку. – Товарищ Аверьянов.

– Я здесь, – ответил высокий светловолосый мужчина, стоявший в конце коридора.

– Анатолий Николаевич, – с явным подбострастием обратился к нему говоривший, – вы пройдете первым. Вас утверждают заведующим сектором отдела пропаганды.

– Да, я знаю, – усмехнулся Аверьянов. Как будто можно оказаться здесь, не зная, по какой причине тебя вызывают.

– Товарищ Сафаров Эльдар Кулиевич, – услышал Эльдар свою фамилию. – Вас утверждают инструктором административного отдела.

– Спасибо, – кивнул Сафаров, словно его уже утвердили или впервые сообщили эту новость.

– Теперь остальные товарищи, – с явным пренебрежением продолжил говоривший. – Сергеев, Мурадханян, Вергинец, Лукашов, Попов. Пожалуйста, вы пройдете во второй группе, когда я вас позову. Товарищ Сергеев, вас будут рекомендовать к назначению на должность. Мы сейчас не утверждаем, а предлагаем к назначению. Все ясно, товарищи? И учтите, что вопросы желательно не задавать, а если вас спросят, отвечайте кратко и четко.

Аверьянов еще раз усмехнулся. Очевидно, он хорошо знал этого инструктора из общего отдела. Эльдар посмотрел на него и подумал, что и здесь можно будет встретить нормальных и понимающих людей. Словно услышав его мысли, Аверьянов подошел к нему и протянул руку.

– Рад познакомиться. Вы из Баку?

– Да, – ответил рукопожатием Сафаров.

– У меня там много друзей. После утверждения мы с вами обязательно поговорим.

– С удовольствием, – согласился Эльдар.

Все прошло слишком буднично и просто. Сидевший во главе стола мужчина с одутловатым лицом даже не посмотрел в сторону утверждаемых. Когда назвали фамилию Аверьянова, он сразу кивнул и тихо произнес:

– Есть предложение утвердить.

Проголосовали единогласно. Когда прозвучала фамилия Сафарова, председательствующий на миг поднял голову, посмотрел на нового инструктора административного отдела и согласно кивнул головой:

– Есть предложение утвердить.

На заседаниях Секретариата редко бывали какие-либо споры. Сам Генеральный секретарь уже давно не появлялся на таких рутинных мероприятиях, и руководил здесь всем его заместитель. Эта должность была введена специально, чтобы разгрузить Горбачева, ведь он был одновременно и Президентом Советского Союза, избранным на эту должность в марте 90-го года. Заместителем Генерального секретаря назначили бывшего первого секретаря ЦК компартии Украины Ивашко, который пунктуально и аккуратно проводил все заседания.

Сафаров уже видел свой кабинет, выходящий окнами во внутренний дворик, – небольшую комнату, в которой он должен был сидеть вместе с Михаилом Алексеевичем Журиным, работавшим в административном отделе уже больше десяти лет. Журин из тех сотрудников, кто исправно тянет свою лямку, не рассчитывая на выдвижение или особые преференции на службе. Он курировал органы прокуратуры, попав в административный отдел еще при Брежнев, в начале 80-го года, как раз перед Олимпиадой. И хотя с тех пор в ЦК партии сменилось

четыре генеральных секретаря, Журин оставался на своем месте, как символ неизменности политики партии.

В кабинете Эльдара уже ждал Журин. Сорокавосьмилетний коллега был старше Сафарова на шестнадцать лет. Редкие седые волосы, всегда уставшие, немного воспаленные красноватые глаза, крупный нос.

– Поздравляю, – поднялся он с кресла, – теперь ты наш. Надеюсь, не возражаешь, если мы сразу перейдем на «ты»?

– Только я буду обращаться к вам на «вы», – предупредил Сафаров.

– Чтобы подчеркнуть мой возраст? – усмехнулся Журин. – Нет, так нечестно. Иначе мы с тобой не подружимся. Вот твой стол и сейф. Ну, это я тебе уже показывал. И учти, что твой предшественник, уйдя в МВД СССР, сразу получил полковника. У тебя какое звание было в прокуратуре?

– Я там проработал только семь лет, – сообщил Эльдар, – юрист первого класса.

– Значит, капитан... Тоже неплохо. Отсюда уйдешь или полковником, или генералом. Может, тебя вернут в Баку заместителем министра внутренних дел или даже министром.

– Я об этом не думал, – признался Эльдар.

– А ты сразу думай. Сейчас время такое, все больше думают о своей карьере. Новое удостоверение получишь завтра утром. А пропуск у тебя есть?

– Да, мне выдали одноразовый.

– Не забудь отметить. Чтобы печать и подпись поставили, иначе не выпустят из нашего здания, – улыбнулся Журин, – Как у вас там, в Азербайджане?

– Ничего хорошего, – честно ответил Эльдар, – все время пытаемся хоть как-то исправить ситуацию. После января 90-го года у нас десятки тысяч людей вышли из партии...

– Не нужно об этом вспоминать, – приложив палец к губам, Журин взглядом показал на потолок. – Не забывай, что у нас административный отдел, и здесь говорят об особо секретных вещах. Дальше по коридору сидят наши армейские кураторы. Мы ведь курируем все административные и правоохранительные органы страны. Мне известно, что там у вас произошло. Некоторые коммунисты просто поспешили выйти из партии, поддались эмоциям. – Он еще раз приложил палец к губам, а потом неожиданно спросил: – Ты женат?

– Нет, пока холостой.

– Тогда будет легче. Ты где сейчас остановился?

– В нашем постпредстве. Здесь недалеко, можно пройти пешком. Во дворе Моссовета.

– Знаю, там рядом постпредство Украины. Тебе нужно пройти в Управление делами и зарегистрироваться, чтобы поставили в очередь на квартиру. Это одна из немногих наших привилегий – квартиру нам дают почти сразу, буквально через несколько месяцев. Потом нужно встать на учет в нашей поликлинике. И учти, что они сразу заставят тебя пройти диспансеризацию. Это Чазов давно придумал. Ну, тебе пугаться нечего, ты у нас молодой и здоровый. А некоторые бегают от этой диспансеризации, чтобы не сдавать анализы. У нас здесь при прежних генсеках правили бал старики, пятидесятилетние считались очень молодыми, поэтому многие и пытались избежать проверок любым путем. С заведующим уже говорил?

– Сейчас пойду.

– Зайди обязательно. Он тебя поздравит. А потом – ко всем заместителям. Должностная этика, так полагается.

– Я уже там был, когда проходил собеседование. И наш заведующий сидел на заседании.

– А теперь зайди снова, уже как полноправный инструктор. Ему будет приятно.

– Хорошо, – согласился Сафаров.

– И учти, что наш прежний заведующий отделом стал теперь самым Председателем Верховного Совета Советского Союза, – торжественно напомнил Журин. – Мы с ним много лет

вместе работали. Анатолий Иванович Лукьянов до сих пор черпает из нашего отдела свои кадры. Не забывай об этом.

Эльдар устроился за своим столом и начал выдвигать пустые ящики. На столе уже лежало несколько папок.

– Это твои документы, с которыми ты будешь работать, – пояснил Журин. – А сейчас иди по кабинетам. Не забудь, что ты обязан всех обойти. Только не заходи в соседний кабинет, он у нас особо секретный. Они вечно запирают свой кабинет на ключ, словно здесь по коридорам бегают вражеские шпионы. Там у нас кураторы органов госбезопасности сидят, самые подозрительные товарищи среди наших сотрудников – Коломенцев и Мягков. Ну, ты еще с ними познакомишься.

Поход по кабинетам занял около двух часов. Каждый пытался дать новичку ценный совет, рассказывал о традициях отдела, подчеркивал, какая честь для провинциала вознестись столь высоко и попасть в Центральный Комитет правящей партии. К вечеру Эльдар вернулся уставший от обилия многочисленных советов и разговоров.

– Это только начало, – с сочувствующей улыбкой посмотрел на него Журин. – Завтра в десять у нас совещание. Постарайся не опаздывать. А уже завтра тебе нужно поехать в Министерство внутренних дел. При Щелокове всегда было сложно с ними работать. Как же, личный друг Брежнева, его заместитель Чурбанов – зять Генерального секретаря... Сам понимаешь, что не только инструктор, но даже заведующий отделом не могли ничего им сказать. Сейчас совсем другое время. Даже при Бакатине все было нормально, а теперь там и вовсе сидит Пуго, настоящий «латышский стрелок», с которым тебе будет легко работать. И учти, что у тебя есть еще много начальников, которые будут советовать тебе, как себя вести.

В этот вечер Эльдар ушел с работы в девятом часу. Было уже темно, скользко. Вокруг здания снег убирали снегоуборочные машины и многочисленные дворники, а вот дальше идти пришлось мимо неубранных сугробов. Ему нравился маршрут, позволявший проходить мимо кремлевских стен, – мимо гостиницы «Россия» на Красную площадь, дальше по Тверской – к гостинице постпредства.

Эльдар возвращался к себе, полный впечатлений от увиденного и услышанного, может, поэтому не услышал сигнала позади себя. А может, услышал, но не придал ему значения. Он сделал еще несколько шагов дальше и в этот момент почувствовал сильный удар в бедро. Его даже немного подбросило, и он отлетел на тротур, почувствовав сильную боль в ноге.

Машина резко затормозила. Он приподнял голову, увидел, как из салона автомобиля кто-то быстро выходит, и невесело вздохнул. В первый же рабочий день в Москве его сбила машина. Такое глупое невезение...

Ремарка

«Уходящий год был одним из самых нелегких в нашей истории. На условиях жизни сказались кризисные явления в экономике, снижение личной безопасности людей, ослабление порядка и дисциплины. Да, мы проводим исключительно трудный для всех нас год. Конечно, трудности в переходный период неизбежны, особенно когда к новому разворачивается такая гигантская страна, как наша. К этому добавились ошибки и просчеты уже последнего времени. Ошибки руководства страны, наши с вами недостатки...

Будущий год – особый. На него падает решение вопроса о судьбе нашего многонационального государства. Для всех нас, советских людей, нет более святого дела, чем сохранение и обновление Союза, в котором вольно и хорошо жилось бы всем народам...

В мире высоко оценивают наш вклад в оздоровление международных отношений, искренне желают успеха перестройке. Мы это воспринимаем как солидарность с нашим великим делом и шлем всем народам искренние пожелания благополучия и счастья».

Из новогоднего обращения Президента СССР М. С. Горбачева к советскому народу

Глава 2

Он подошел к окну и долго стоял так, словно пытаясь разглядеть нечто, недоступное взгляду его собеседника. Президент Советского Союза – такой должности никогда прежде не было в истории этой страны. Она была введена только в прошлом году, когда на съезде Верховного Совета был избран первый президент самой большой страны в мире. Сегодня, 1 января 1991 года, он вынужден был приехать на работу, в свой кремлевский кабинет, чтобы обсудить один из самых важных вопросов, который требовал его личного вмешательства.

Только две недели назад на IV съезде народных депутатов СССР хотели поставить вопрос о недоверии президенту СССР. С таким предложением выступила депутат Умалатова, и многие в зале готовы были ее поддержать. Он понимал всю опасность того, что президент, избранный съездом, мог быть, соответственно, этим же съездом и отозван со своей должности. Нужно было идти на прямые выборы, но тогда ему казалось, что так будет лучше.

Не выдержав напряжения, свалился с инфарктом миокарда Председатель Совмина Рыжков, подал заявление об отставке с поста министра иностранных дел Шеварднадзе.

«Вот так начинаются девяностые», – невесело подумал он. Правда, многие считают, что 90-е начинаются тогда, когда на календаре появляется девятка. Газеты пишут, что XXI век наступит 1 января 2000 года, тогда как на самом деле он наступит только через год.

В прошлом году обстановка была не лучше. Тогда назревали бакинские события, и он послал в Баку Примакова, чтобы тот разобрался с ситуацией. Бакинские события закончились трагически. Через несколько дней туда отправились министр обороны, министр внутренних дел, заместитель председателя КГБ и другие ответственные чиновники. А потом в город вошли войска, и началась бойня. Сто тридцать погибших, почти тысяча раненых, лучше об этом даже не вспоминать. Он нахмурился. Конечно, все сразу стали обвинять именно его. А до Баку были грузинские события, когда погибли люди и также шли персональные упреки в его адрес. Неужели они не понимали, что он меньше всего хотел подобных трагедий. Именно он, человек, недавно получивший Нобелевскую премию мира, за которой не смог поехать только потому, что в его собственной стране к этой награде отнеслись неоднозначно. Он и не поехал. Сегодня же необходимо принимать не менее трудное и ответственное решение.

Горбачев резко обернулся. Стоявший в его кабинете Болдин терпеливо ждал. Это был один из самых близких и доверенных лиц президента. Раньше он возглавлял общий отдел ЦК КПСС, а сейчас был помощником президента страны и руководителем его аппарата. Он даже вошел в Президентский совет, куда его ввел сам Горбачев.

– Все так не вовремя, – недовольно сказал Михаил Сергеевич. – Товарищи уже собрались?

– Да, они ждут, – доложил Болдин. – Все, кого вы пригласили.

Горбачев медлил. Он понимал, что сейчас должен будет принять не просто важное решение. После событий в Тбилиси и Баку ему уже не удастся убедить других, что он не знал о готовящихся событиях. Более того, именно эти объяснения и вызвали самое сильное раздражение у его оппонентов. Глава государства обязан быть в курсе того, что происходит в его стране, были убеждены многие. Тбилисские события застали Михаила Сергеевича в Великобритании, и решение принималось без его участия, но с подачи грузинских властей, уверял президент. Тогда на заседании Верховного Совета даже зачитали телеграмму первого секретаря ЦК компартии Грузии. Зачитал Лукьянов и намеренно пропустил несколько фраз, которые меняли смысл самой телеграммы. Но созданная парламентская комиссия под руководством Собчака вынесла заключение о безусловной вине Центра и армии, незаконно применивших спецсредства для разгона мирной демонстрации. В Баку получилось сложнее. Армия бездействовала, пока в январе в двухмиллионном городе шли погромы армян. Более того, у погромщиков ока-

зались точные адреса даже там, где смена квартир проходила буквально накануне. Демократические силы в самом Азербайджане были убеждены в провокации. Тысячи людей спасали своих соседей и друзей, преграждая путь погромщикам. Общими усилиями местных правоохранительных органов и добровольцев удалось остановить погромы и спасти более ста тысяч человек. Но пятьдесят шесть погибли. Все громче раздавались голоса о смене руководства республики, неспособного справиться с решением Карабахского вопроса. И это на фоне румынских событий, когда буквально накануне были казнены Чаушеску и его супруга... Вошедшие в город советские войска давили танками не только оппозицию, но и стреляли по любой движущейся мишени. В результате погибли дети, старики, женщины разных национальностей. Тогда он почти искренне возмущался, что в этой операции были задействованы тысячи резервистов с Северного Кавказа.

Но сейчас уже 1 января 91-го года, и надо принимать решение, возможно, самое трудное из тех, которые он до сих пор принимал.

– Не вовремя, – снова повторил он, – все так не вовремя... Пригласи их, пусть войдут. И сам тоже останься. Ты все-таки член Президентского совета.

Президентский Совет состоял из семнадцати человек, не считая самого Горбачева. В последние месяцы он почти не собирался. Входившие в него писатели и ученые могли долго рассуждать о демократизации общества, не предлагая конкретных путей к исправлению ситуации. Чингиз Айтматов и Валентин Распутин были прекрасными авторами, их книгами зачитывались миллионы. Но политиками оба автора оказались не просто слабыми, они вообще не разбирались в ситуации и ничем не могли помочь. Горбачев был разочарован в этой структуре, оказавшейся лишь очередным сборищем болтающих интеллектуалов. К тому же некоторые члены Совета вызвали очевидную ненависть его оппонентов. Пришлось пойти на уступки в конце прошлого года, когда он постепенно удалил из своего окружения Яковлева и Медведева. А уже потом в отставку подал и Шеварднадзе. Критика в адрес министра иностранных дел была особенно острой. Третьего октября прошлого года объединилась Германия, и в Европе снова появилось самое мощное государство после Второй мировой войны. В личную вину Шеварднадзе ставили многочисленные уступки американцам, разрешение на объединение Германии и ее вхождение в НАТО, развал коалиции стран Варшавского договора, уход из Афганистана. Умные люди понимали, что за подобной внешней политикой государства стоит сам Горбачев, но Шеварднадзе был очень удобной мишенью. Абсолютно не подготовленный к миссии дипломата, грузинский политик оказался жалким подобием тех грузинских политиков, которые были в истории Советского государства. Он плохо говорил по-русски, не понимал всех тонкостей дипломатической работы, не умел слушать и слышать, привыкший к тому, что в родной Грузии его мнение было единственно правильным.

Имидж демократа, который прикрепился к Шеварднадзе, сыграл с ним дурную шутку. Будучи слабым дипломатом, он, очевидно, считал, что многочисленные уступки свидетельствуют о его демократизме и «новом мышлении», тогда как сами американцы или немцы с восторгом, изумлением и недоверием следили за внешнеполитическими шагами Горбачева – Шеварднадзе, не веря в собственные успехи. Американцы напоминали наивных шахматистов из васюкинского клуба, одному из которых «гроссмейстер» Бендер пожертвовал ферзя, после чего он собирался немедленно сдаться, чувствуя ловушку, и только усилием воли заставил себя продолжать, в конце концов объявив мат своему сопернику. Американцы продолжали переговоры вопреки всему и в конце концов просто добились всего, чего хотели. Шеварднадзе чувствовал, как давление на него усиливается с каждым днем, и понимал, что ему самому необходимо уйти. Слишком много громких внешнеполитических провалов он допустил лично, оказавшись не просто слабым министром, а невольным заложником исторических событий и не совсем понимая, какую роль в них сыграл. Готовящийся ввод войск в Прибалтику, можно сказать, помог ему и позволил ему сделать эффектный жест – заявить о готовящемся пово-

роте вправо и отказаться от своего поста. Через некоторое время он вернется в Грузию и уже в новых условиях потерпит полное фиаско в родной стране, где его вынудят уйти в отставку бывшие ученики и выпестованные им политики.

Но Шеварднадзе хватило ума понять, что во всех провалах внешней политики обвинят именно его. К тому же после трагических событий в Грузии, происшедших в апреле 89-го, ситуация резко изменилась. В самой Грузии к власти пришел бывший диссидент Звиад Гамсахурдиа, самый непримиримый оппонент Шеварднадзе, мечтавший о том, чтобы его республика вышла из состава Союза. Партийная верхушка и военные тоже не скрывали своей ненависти к человеку, сдавшему все позиции их страны на международной арене.

В кабинет вошли несколько человек. Горбачев не стал здороваться с каждым по отдельности, как это обычно делали его предшественники. Он не любил фамильярностей, хотя привычно обращался ко всем подчиненным на «ты». Сказывались долгие годы, проведенные в провинции, и возраставшее с годами самомнение. На прием к президенту пришли министр обороны Дмитрий Тимофеевич Язов, министр внутренних дел Борис Карлович Пуго, Председатель Комитета государственной безопасности Владимир Александрович Крючков. Кроме них были приглашены член Президентского совета академик Евгений Максимович Примаков и советник президента маршал Сергей Федорович Ахромеев. Вместе с Болдиным их было шесть человек. Шесть человек, севших за стол только после того, как сел в свое кресло Горбачев.

Он подумал, что уже практически сформирован Совет по национальной безопасности, который должен утвердить Верховный Совет. Кроме присутствующих здесь людей в него должны войти будущий Председатель Совета министров, министр иностранных дел и... неожиданно вспомнив о следующей кандидатуре, чуть не улыбнулся. Конечно, нужно включить в этот Совет и вице-президента страны. Он с таким трудом протащил кандидатуру Янаева – депутаты упрямо не хотели за него голосовать. Бывший профсоюзный лидер вызывал у них непонятное отторжение – и тем, что был почти не известен большинству, и своей мешковатой фигурой, и косноязычием, вызывавшим еще большее недоумение у депутатов. Они не хотели понимать, что Янаев нужен был Горбачеву, чтобы оттенять превосходство президента. В Политбюро ЦК КПСС он уже сумел протащить подобного человека, сделав Ивашко заместителем Генерального секретаря ЦК КПСС, специально ввел эту должность, которой раньше никогда не было. Ивашко оказался еще более стертой фигурой, чем Янаев, без амбиций и собственного мнения, готовый во всем соглашаться с Генеральным секретарем. Он так недолго пробыл на Украине и так гордился своей новой должностью, что его можно было смело считать надежным сторонником в политбюро. Но в состав Совета национальной безопасности заместителя Генерального секретаря можно не вводить. Он не обидится, а если даже и обидится, тоже не беда. После того как Горбачев ошибся с Ельциным, он больше не позволял себе подобных ошибок. Поэтому все кандидатуры были бесхребетные и неамбициозные. Янаев, Ивашко – патроны из одной обоймы. А новым министром иностранных дел рекомендовали Бессмертных. Похоже, его придется утвердить. Трусливый, осторожный функционер, готовый выполнять любые распоряжения президента. Это не Шеварднадзе, который мог позволить себе иногда высказывать какие-то замечания. Этот будет молчать при всех обстоятельствах. Нужно поскорее его утверждать, в таких условиях нельзя тянуть с назначением министра иностранных дел.

– Вы все прекрасно знаете, зачем мы сегодня собрались, – начал Горбачев, – хотя начинать нужно было не с этого. Но ситуация очень тревожная. Из Литвы приходят все новые и новые сигналы. Просят помощи. Мне рассказывали, что там уже открыто нападают на наших военных... – Он посмотрел на Язова, но тот не понял его взгляда. Тогда повернулся к Крючкову.

– Они оскорбляют наших офицеров, называют их оккупантами, – быстро отреагировал Крючков. – Многие жены офицеров просто умоляют им помочь. Республика полностью пре-

кратила выделение жилья для офицеров, в больницах им отказывают в обычной медицинской помощи.

Язов тяжело вздохнул, поняв смысл взгляда президента.

– Обстановка тяжелая, – подтвердил он. – Люди не понимают, как им себя вести. Мне каждый день звонит командующий Прибалтийским военным округом генерал-полковник Кузьмин. Спрашивает, как быть, что ему делать?

– А ты как считаешь, Борис Карлович? – обратился Горбачев к Пуго.

Несколько месяцев назад он намеренно заменил своего соратника Бакатина на Пуго. На Бакатина жаловались многие республики, поступали даже коллективные письма от рабочих, требовавших увольнения министра внутренних дел за развал, который царил в стране. Но прежде всего нужно было наводить порядок в Прибалтике. Бывший руководитель КГБ и бывший первый секретарь Латвии Борис Пуго был идеальной кандидатурой на должность нового министра внутренних дел.

– Нужно принимать решительные меры, – ответил Пуго. – Взять под полный контроль все административные здания Литвы, защитить коммунистов. Вы же знаете, что в Литве уже действуют две коммунистические партии. Одна стоит на твердых интернациональных позициях и поддерживает нас, в отличие от партии Бразаускаса. Они уже отошли от линии нашей партии и официально переименовали себя в Демократическую партию труда.

– И они еще смели называть себя коммунистами! – возмутился Горбачев. – Вы все помните, как я во время своего прошлогоднего визита пытался повлиять на Бразаускаса и его товарищей. Но они не захотели прислушаться к моим доводам.

– По вашему поручению я с ним недавно еще раз разговаривал по телефону. Он пытается повлиять на ситуацию, понимая всю сложность момента, но он вошел в правительство Литвы только как вице-премьер.

– Там сейчас не он все решает, а Ландсбергис, – вставил Болдин.

– Этот музыкант просто фанатик, – сообщил Крючков, – один из самых радикально настроенных в литовском руководстве. Я бы советовал его изолировать до того, как мы начнем действовать.

– Нет, – возразил Горбачев, – так нельзя. Ты представляешь, что начнется в мире, если мы его арестуем? Сразу вспомнят тридцать седьмой год. Нет, пусть он сидит у себя в Верховном Совете. Все равно он один ничего не сможет сделать.

– Да, – согласился Крючков, – вы правы. Литовское правительство скоро уйдет в отставку, и у нас будут развязаны руки.

Сидевшие за столом удивленно посмотрели на Крюčkова, даже Пуго и Язов. Многоопытный Примаков усмехнулся, Ахромеев хранил молчание. Болдин покачал головой, словно возражая, и напомнил:

– Они могут не уйти. Там мадам Прунскене, – напомнил он.

– Уйдет, – уверенно сказал Крючков.

Горбачев кивнул. Только он и Председатель КГБ знали, о чем говорит Крючков. Премьер Литвы Казимира Прунскене была агентом госбезопасности, завербованным несколько лет назад, и именно поэтому смогла сделать такую головокружительную карьеру, став премьером в новой Литве. Но об этом не следовало говорить даже в таком узком составе.

– Значит, решено, – резюмировал Горбачев. – С завтрашнего дня берем под охрану все административные здания Литвы.

– Разрешите, – вмешался маршал Ахромеев.

– Слушаем тебя, Сергей Федорович.

Горбачев искренне уважал маршала и за его твердые позиции, и за его безусловную честность. Министра обороны Дмитрия Язова он уважал гораздо меньше. Язов видел, как в течение нескольких минут сняли его предшественника из-за полета Руста над Красной площадью, и

на всю жизнь запомнил, как из-за одной ошибки может рухнуть карьера маршала. Поэтому он старался не допускать подобных ошибок, добросовестно выполняя все поручения руководства.

– Нужно, чтобы на этот раз наши газеты и телевидение снова не нападали на армию, – попросил Ахромеев. – Необходимо провести идеологическую подготовку к нашим действиям в Литве.

– Правильно, – согласился Горбачев, – мы об этом подумаем. Но ты сам знаешь, как сейчас нам мешает новое российское руководство. В пику нам они во всем поддерживают противоправные действия прибалтов.

– Я понимаю, – кивнул маршал, – но нужно сделать все, чтобы еще раз не подставлять армию.

Горбачеву не понравились слова «еще раз», и он раздраженно отодвинул от себя папку с бумагами. В этих словах был упрек и в его адрес.

– Мы подумаем, – повторил он, – но нам нужно действовать. В рамках наших законов. Демократия не означает анархию. Мы не допустим развала нашего государства! Вы слушали мое вчерашнее обращение к народу? Нужно сохранить наш Союз, наполнив его новым экономическим и политическим содержанием.

Даже здесь, в кругу своих самых близких соратников, президент не мог удержаться от привычной риторики.

– Американский «Ньюсуик» опубликовал карту нашей страны к концу века, – сообщил Болдин, чтобы поддержать своего патрона. – Там указан вольный город Калининград и отпавшие от страны Украина, Белоруссия, республики Прибалтики и Грузия.

– Где это опубликовано? У них? – быстро спросил Горбачев.

– В сегодняшней «Комсомолке» перепечатали. Я уже позвонил их главному и сказал все, что думаю об этой провокации. Он извинялся, объяснял, что они только перепечатали.

– А потом эти перепечатанные карты экстремисты используют в своих целях, – разозлился Горбачев. – Вот поэтому мы все время отстаем.

Он посмотрел на Примакова. Этот академик, в отличие от многих болтунов в его окружении, был человеком дела – прекрасно разбирался в тяжелых ситуациях, давал дельные советы, умел разговаривать с людьми. Горбачев ценил опыт и профессионализм Примакова, направляя его в самые горячие точки.

– У нас следующий вопрос по Ираку, – напомнил президент. – Вы все знаете, что Эдуард Амвросиевич ушел в отставку, и сейчас на его место мы рекомендуем другого кандидата. Евгений Максимович уже несколько раз бывал в этом регионе, лично встречался с Саддамом Хусейном и разбирается в ситуации лучше других. Как ты считаешь, чем закончится конфликт в Кувейте?

– Полагаю, что Саддам Хусейн не пойдет на уступки, – ответил Примаков. – Он считает Кувейт одной из провинций Ирака и не собирается уходить. А американцы готовы на все, чтобы его оттуда выбить. Я думаю, что встреча Бейкера с Тариком Азизом в Швейцарии ни к чему не приведет. Американцы настроены очень решительно.

– Значит, будет война? – уточнил Горбачев.

– Американцы сами втянули Саддама Хусейна в эту авантюру, – продолжал Примаков. – Их посол дала понять иракскому лидеру, что они не будут возражать против взятия Кувейта, и фактически спровоцировала иракцев на этот захват. А теперь они требуют вывода войск и выставляют себя защитниками арабов.

– И ты считаешь, что война может начаться уже в этом месяце?

– Да, – ответил Примаков, – они развернули свои силы и, похоже, готовы приступить к операции. Но нужно учесть, что Саддам Хусейн тоже не будет сидеть сложа руки. Он обещал начать обстрел Израиля. А это вызовет ответный удар уже со стороны израильтян и может привести к большой войне между арабским миром и Израилем. Хотя он никак не ожидал, что

арабские страны пойдут на сотрудничество с Западом против него. Это был его явный просчет. Он даже не думал, что Саудовская Аравия пустит на свою территорию войска союзников. А еще он очень рассчитывал на нашу помощь, считал, что мы в любом случае наложим вето на решение Совета Безопасности ООН. Но ни мы, ни Китай вето не наложили. Это тоже его серьезный просчет.

– У нас сейчас приоритет «нового мышления», – не очень уверенно напомнил Горбачев. – А что западные страны? У них единая позиция?

– Не совсем. Некоторые считают, что можно выбросить Саддама из Кувейта и на этом успокоиться. Но некоторые политики, в том числе и бывший премьер Великобритании Маргарет Тэтчер, считают, что нужно окончательно добить Ирак и сломать хребет Хусейну. Хотя многие аналитики понимают, что после Саддама там может начаться общий развал.

– Я не знал о такой позиции Тэтчер, – нахмурился Горбачев.

– Но я думаю, что союзники в Ирак входить не будут, – успокоил его Примаков.

– Как считает наш Генеральный штаб? – обратился президент к министру обороны. – Что там сейчас происходит?

– Союзные войска уже прибыли на место, – сообщил Язов, – и там будут не только американцы. Англичане и французы тоже готовы их поддержать. Намечается очень сильный удар, но нам кажется, что война может затянуться. Иракская армия имеет боевой опыт почти десятилетней войны с Ираном, и их сухопутные силы смогут сдерживать атаку американцев. Они развернули на юге шестьдесят дивизий. Мы прогнозируем затяжную войну и большие потери у американцев.

Горбачев взглянул на Ахромеева. Тот отрицательно покачал головой.

– Маршал Ахромеев не согласен, – сказал президент.

– В Генеральном штабе есть и другое мнение, – сказал Ахромеев. – Несмотря на мощную группировку иракских войск на юге страны, они не смогут эффективно противостоять атаке союзных войск, особенно если подключатся подошедшие американские авианосцы и авиация. Техническое превосходство союзников будет бесспорным и очевидным.

Президент снова нахмурился. Затяжная война означает большие проблемы у американцев. На фоне событий в Литве этим можно воспользоваться. Опять Ахромеев не согласен со своими коллегами. Он не знает всех деталей этой войны, и хорошо, что не знает. Горбачев взглянул на Примакова.

– А как вы считаете?

– У Саддама очень сильная армия, – осторожно начал Примаков, – но у него в тылу курдские повстанцы, а на юге живут шииты, которых он безжалостно преследует и которые всегда готовы ударить ему в спину. Когда Израиль воевал с арабскими странами, он за несколько дней разгромил армии, во много раз превышающие его численность. Это такой хрестоматийный пример. Каждый солдат или офицер Израиля был намного более образован и подготовлен, чем его арабский противник. Американцы гораздо лучше подготовлены к войне, чем армия Саддама. Но они, конечно, будут ожесточенно сопротивляться.

– Наш Генеральный штаб имеет другую точку зрения, – возразил Язов. Ему было обидно, что эти двое не согласны с его мнением и высказывают в его присутствии столь спорные тезисы.

– Посмотрим, – неопределенно произнес Горбачев. Он не мог сообщить даже самым близким соратникам, что предстоящая война напрямую связана с экономическим положением их собственной страны. Если война затянется, то рухнувшие за последние годы цены на нефть могут снова подняться, что решит многие экономические проблемы.

– Завтра, – продолжил президент, – завтра начинаем. Нужно проявить максимум внимания и осторожности, чтобы на этот раз все обошлось без жертв. Литва – не Грузия и не Азербайджан. Там люди поспокойнее, и, надеюсь, все пройдет нормально. – Он взглянул на Крючкова.

– Если литовское правительство уйдет в отставку, нам будет гораздо легче работать с Литвой.

– Они уйдут, – твердо пообещал Крючков.

Горбачев посмотрел на маршала Ахромеева и подумал, что не стоит спешить. Лучше оставить его Советником президента, а в Совет национальной безопасности выдвинуть гораздо более сговорчивого Вадима Бакатина. Через несколько дней так и надо сделать. А пока самое важное – навести порядок в Литве.

Ремарка

«Итак, IV съезд народных депутатов позади. Что принес он больному, раздираемому конфликтами, распадающемуся обществу? Разумеется, нельзя было ожидать, что съезд в один присест решит продовольственную проблему, ликвидирует межнациональную вражду, обеспечит нам нормальную и безопасную жизнь. Так не бывает. Но общество было вправе ожидать, что наши избиратели, собравшись вместе с руководством страны в столь критический момент, попытаются серьезно проанализировать причины углубляющегося кризиса, наметить программу его преодоления, сформировать власть на основе национального и социального согласия. «Если и были ожидания, то они оказались напрасными, – пожимают плечами многие. – Съезд ничего не решил». Хочу поспорить – съезд народных депутатов решил многое, и весьма однозначно. Это не означает, что на нем не было споров. Важно то, какой лейтмотив звучал в этом разногласном хоре. Вначале о причинах кризиса. Вот позиция по этому вопросу наших руководителей. Да, полустыдливо признают они, были допущены ошибки. Но – в реализации курса. Основные же наши беды – результат деятельности «деструктивных», «черных сил», «необъявленная война республик против правительства», «экономический саботаж». Из зала, правда, были предприняты попытки всю ответственность за кризис возложить на президента. Но съезд выразил ему доверие. Тем самым можно предположить, что большинство депутатов поддержали официальную версию истоков кризисного состояния общества.

Какой же путь его преодоления нам предлагается? Вот он – «жесткие меры», «чрезвычайные полномочия», «борьба с политическим противником». Прислушайтесь и к совсем искреннему, из глубины души идущему вздоху: «Пусть уж лучше будет царь или император. Когда мы, наконец, остановимся с этими реформами?»...

Вовсе не хочу преувеличивать роль IV съезда народных депутатов в том повороте, который происходит – уже произошел! – в советском обществе. Соответствующая тенденция развивалась давно. Но так случилось, что именно в конце 1990 года она вышла на поверхность. Съезд ознаменовал собой конец одного этапа в развитии общества и начало другого. Так что же он вообще завершил? Если коротко, то перестройку...

«Демократическая волна захлебнулась в центре, – возражают некоторые. – В республиках прорыв произошел». К сожалению, это далеко не так. Многие из патриотических движений и их лидеры являют собой чуть ли не готовую основу для национал-демократических режимов...

Так что же, неужели все складывается в пользу силового варианта развития? А ведь к нему, видно, готовится не только Центр, но и некоторые республики, лидеры которых призывают население к гражданскому неповиновению. Что же нас ожидает в этом случае? Не будем обольщать себя надеждой, что, возможно, обойдется чем-то не очень болезненным. В крайнем случае, провозглашением чрезвычайного положения по типу того, какое в свое время ввел в Польше генерал В. Ярузельский. Не стоит, однако, забывать, что после этого относительно мягкого авторитаризма страна отходила десять лет. В условиях же нашей вражды и непримиримости, а подчас и просто варварства, сама ломка сильной власти может повести гораздо дальше, даже вопреки желанию ее инициаторов. В этом случае в обществе возможно возникновение режима, по сравнению с которым «брежневизм» будет выглядеть вполне демократичным».

Швецова «Откат». Послесловие к IV съезду народных депутатов СССР

Глава 3

На улице Воровского, пятьдесят два, было основное здание Союза писателей СССР. В этих кабинетах появлялись Горький и Фадеев, Симонов и Федин, Пастернак и Леонов, Шолохов и Твардовский, Булгаков и Платонов. Даже Солженицын появлялся здесь до того, как попал в опалу и был исключен из Союза. Какие жаркие баталии здесь разыгрывались, какие страсти кипели. Здесь осуждали Пастернака и исключали Синявского с Даниэлем! Здесь чинили расправу над участниками альманаха «Метрополь», здесь появлялись уже ставшие известными Евтушенко, Вознесенский, Окуджава, Рождественский, Ахмадулина...

Он подходил к зданию, испытывая некоторое волнение. Пройдя ограду, вошел во двор, увидел памятник Льву Толстому. Ему уже успели рассказать, что этот дом Толстой использовал в своем романе как дом Ростовых. Во дворе были многочисленные отделы и редакции Союза писателей. С правой стороны висела вывеска, извещавшая всех, что здесь находится журнал «Дружба народов». С левой стороны была иностранная комиссия Союза писателей. Она занималась не только иностранными гостями, но и посылала за рубеж многочисленные писательские делегации. В такие командировки посылали только проверенных и идеологически выдержанных писателей. Им выдавали довольно приличные командировочные, организовывали встречи с зарубежными коллегами, поселяли в хороших отелях, помогали с заключением договоров. Правда, бо́льшую часть валюты государство оставляло себе, но писатели были довольны – ведь книги членов Союза выходили на родине гигантскими тиражами, и они получали очень приличные гонорары, часто равнявшиеся средней зарплате инженера за десять или пятнадцать лет непрерывной работы. При этом никого особенно не интересовало, продавались эти книги или нет. В условиях тотального дефицита умудрялись продавать даже такие «опусы», среди которых выделялась так называемая «секретарская» литература. Секретари Союза писателей СССР и союзных республик считались прижизненными классиками. Им платили особые гонорары, выдавали особые командировочные, их книги вставляли в тематические планы, выбрасывая остальных.

Во многих республиках секретари Союзов были приравнены к высшим чиновникам, имея ранг почти министерский. Они были депутатами Союза и республик, лауреатами всех существующих премий, прикреплялись к правительственным магазинам и поликлиникам, их обслуживали государственные машины с водителями, в кабинетах им устанавливали правительственные телефоны, а предупредительные секретари и референты делали все, чтобы их патронов не отвлекали по пустякам.

Официально он считался в отпуске и приехал в Москву по личным делам, собираясь зайти в издательство, а затем уехать в Юрмалу, где давно мечтал побывать. Ему уже оформили путевку в дом отдыха, и он собирался провести в Латвии ближайшие три недели.

В двадцать девять лет его избрали секретарем Союза писателей Азербайджана. Он был членом Союза не больше года, когда на бюро Центрального Комитета партии было решено «укрепить» руководство Союза и отправить его секретарем по организационным вопросам. Обычно такие должности занимали отставные генералы из Комитета государственной безопасности. Его забрали из отдела пропаганды, решив, что он сможет обеспечить линию партии в Союзе. К тому времени у него уже вышли две книги, которые довольно быстро разошлись. На обложках стояло его настоящее имя, а не псевдоним – Мурад Керимов. Первая книга была как потрясение, вторая сделала его популярным. Он помнил, как приехал сюда в первый раз больше года назад, и, чувствуя нарастающее волнение, прошел в кабинет самого Юрия Верченко.

Это был всевластный повелитель Союза, секретарь по организационным вопросам. Напротив находился кабинет председателя, но ставший после Маркова руководителем Союза

писателей Герой Советского Союза, фронтовой разведчик Владимир Карпов – слишком мягкий и добродушный человек для руководства такой огромной структурой. Союзу подчинялись десятки журналов и газет по всей территории страны, в его структуру входили свои издательства, свои поликлиники, свои дома отдыха. И конечно, Литературный фонд, формально независимый, но подчинявшийся Союзу и аккумулировавший на своих счетах огромные средства. Можно смело сказать, что Союз писателей советских времен был настоящей союзно-республиканской министерской структурой со своим бюджетом, часто превышающим бюджеты многих министерств и ведомств. Не говоря уже о том, что ни в одной другой структуре Советского Союза не было и не могло быть столько Героев Социалистического Труда, лауреатов всех возможных премий, депутатов всех возможных уровней и вообще известных людей.

Верченко помогали справляться с огромным хозяйством три заместителя. Первый – Сергей Колов, был достаточно молодой и энергичный организатор, направленный в Союз, очевидно, решением партийных органов. После ухода Верченко он стал исполняющим обязанности секретаря, надеясь, что на предстоящем съезде писателей его утвердят секретарем по организационным вопросам. На всякий случай он не форсировал события и не переезжал в кабинет Верченко, чтобы не вызывать ненужного раздражения у писателей.

Мурад вошел в здание. Здесь еще не было ни охраны, ни вахтеров. Он разделся в раздевалке, повесил пальто и шапку на вешалку и поднялся наверх. На первом этаже находились кабинеты секретарей и консультантов. Каждую союзную республику курировал свой консультант. У Азербайджана консультантом был молодой, но уже абсолютно седой Валех, который радостно приветствовал Мурада, когда тот вошел в его кабинет. Худощавый, среднего роста, в очках, он мог бы выглядеть гораздо моложе своих лет, если бы не седина. Ему было около сорока, Мураду – на десять лет меньше. Высокого роста, темноволосый, с запоминающимся строгим и мужественным лицом, какое бывает на старых персидских миниатюрах, где изображают сражающихся воинов, Мурад успел отслужить в Афганистане, где был тяжело ранен. В двадцать лет он вернулся в Баку и поступил заочно на исторический факультет университета. Попутно работал в комсомоле, куда его рекомендовали сразу после возвращения из госпиталя. Через пять лет он стал уже заведующим отделом республиканского ЦК комсомола. Вскоре его взяли инструктором в отдел пропаганды горкома партии, откуда он перешел в ЦК, а уже затем утвердили секретарем Союза писателей.

– Пошли вниз, – сразу предложил Валех, – посидим в нашем кафе, выпьем кофе.

Из основного здания нужно было спуститься по лестнице и пройти подземным коридором в здание ЦДЛ, где находилось кафе, столь любимое писателями, и ресторан, еще более любимый всеми творческими деятелями. Ресторан ЦДЛ был легендой не только благодаря своей кухне или уютному дизайну. За полвека своего существования здесь выпивали почти все классики советской литературы. Здесь иногда случались дикие сцены с рукоприкладством и ссорами, нелепыми обвинениями и обидами. Сюда приводили практически всех иностранных гостей. Стены ресторана помнили такое обилие гениальных поэтов и писателей, что он мог бы стать своеобразным музеем, если бы каждый из посетителей оставлял надпись на этих дубовых панелях.

Конечно, никто не разрешал пачкать стены в зале, зато в мужском туалете писатели и поэты развлекались вовсю. Они оставляли там свои четверостишия или пару фраз, которые вызывали гомерический хохот у всех случайных посетителей. Самую запоминающуюся надпись, по слухам, сделал Евтушенко, который якобы вывел: «Писать на стенах туалета, увы, друзья, немудрено. Среди г...на вы все поэты, среди поэтов вы г...но». Правда, сам Евтушенко отказывался от авторства, но молва упрямо приписывала ему этот опус.

Валех пригласил Мурада в кафе, где сразу заказал коньяк и две чашки кофе, благо цены в этом заведении еще не успели подняться.

– Ты не слышал, говорят, скоро деньги менять будут? – спросил Валех.

– Не знаю, – равнодушно ответил Мурад, – у меня лишних денег все равно нет. На сберкнижке только четыре сотни осталось. Даже если пропадут, особо грустить не буду.

– Тебе хорошо говорить, – вздохнул Валех, – ты холостой, можешь жить, как хочешь. А у меня жена, сын... Нужно думать, вертеться, деньги зарабатывать. Ты знаешь, какие деньги сейчас кооператоры зарабатывают? Не поверишь даже. Некоторые миллионерами стали.

– Ну и пусть становятся, – пожал плечами Мурад, – сейчас время такое. Разрешили кооперативы открывать, деньги зарабатывать. Мы тоже в комсомоле разные идеи предлагали. Но тогда, в начале 80-х, нам не разрешали об этом даже думать. А сейчас все можно, даже рестораны и магазины открывают.

– Это все копейки, – пренебрежительно махнул рукой Валех. – Знаешь, на чем сейчас все делают основные деньги? На компьютерах. Привозят и продают компьютеры, даже поддержанные. Говорят, что можно заработать четыреста или пятьсот процентов. Чего ты улыбаешься?

– Вспомнил Маркса. Кажется, он говорил, что, обеспечить капиталу пятьсот процентов прибыли, и нет такого преступления, на которое бы он не пошел.

– Не смейся. Сейчас Маркс у нас не в моде, – ответил Валех, – сейчас другое время. Можно делать большие деньги. Ты ведь у нас секретарь Союза. С помощью твоего правительственного телефона можно такие дела проворачивать...

– Какие дела? – не понял Мурад.

– Договориться с местной таможней. Ввести товар и продать его по рыночной цене. Сделаем большие деньги.

– Я в такие игры не играю, – отмахнулся Мурад, – мне моих денег хватает.

– Тогда понятно. Ты у нас идейный, Маркса считаешь, и лишние деньги тебе не нужны. Юра, иди к нам! – закричал Валех, увидев вошедшего в кафе мужчину лет сорока, с помятым лицом, немного сонными глазами, свернутым на сторону носом. Мужчина был одет в кожаную куртку и серые брюки. Он подошел и церемонно поклонился.

– Юрий Музаев, – представил его Валех, – самый известный литературный критик Москвы.

– Очень приятно, – поднялся Мурад, протягивая руку.

– А это – Мурад Керимов, наш секретарь и мой начальник, – хмыкнул Валех.

– Мне тоже приятно, – кивнул Юрий, усаживаясь за столик, – только непонятно, почему вы заказали две такие маленькие рюмки коньяка? Я угощаю. Давайте закажем бутылку.

– Только не сейчас, – попросил Валех, – я сегодня пустой.

– Зато у меня появились деньги, – радостно сказал Юрий, хлопая себя по карману. – Наконец выплатили гонорар за мои две статьи в «Дружбе народов».

– Опять кого-то ругаешь? – добродушно осведомился Валех.

– Наоборот, хвалю. Очень интересная подборка современных прибалтийских поэтов. Я написал обе статьи еще в прошлом году. Но тогда не пропускали. Баруздин мне говорил, что пока не время. Я ведь его прекрасно понимал, они тогда объявили, что выходят из состава Союза. Нельзя в такой момент давать мои статьи о литовской и латышской современной поэзии. У них ничего хорошего быть не может, если решили отделяться. Так думали наши функционеры, и кто-то из секретарей запретил Баруздину печатать мои статьи. А сейчас разрешили. Наверное, опять какой-то умник решил, что нужно немного ослабить вожжи. Я так обрадовался, мне даже Чаклаис звонил из Риги, благодарил. А сегодня опубликовали сообщение, что в Вильнюсе взяли под охрану внутренних войск все административные здания города. Теперь ты представляешь, в каком я дурацком положении? Я ведь там и критиковал некоторых поэтов. Получается, что я человек с имперским мышлением. Хвалить глупо – они все равно нам не поверят, а критиковать подло. Вот поэтому эти деньги нужно пропить. Так будет правильное всего. – Он поднялся и пошел за коньяком.

– Прекрасный критик, – негромко проговорил Валех, – но пьет безбожно.

– У нас тоже хватает своих «критиков», – улыбнулся Мурад. – Еще древние говорили, что истина в вине. Вот поэты и ищут эту истину на дне своей чаши. Только я пить не буду, у меня еще важная встреча в издательстве.

– В каком издательстве?

– «Советский писатель». Обещали выпустить мою книгу.

– Не беспокойся. Они наверняка знают, что ты секретарь Союза, так что твою книгу поставят в план и выпустят в первую очередь. Юрий прав. Сейчас пытаются заигрывать с местными кадрами, чтобы не развалить Союз окончательно. Хотя он фактически уже развалился. Прибалты больше не хотят иметь с нами ничего общего. Сначала говорили о конфедерации, а теперь вообще заявили о самостоятельности. Вот так. И ничего с ними не сделаешь.

Вернулся Музаев с бутылкой коньяка и тремя большими бокалами.

– Сейчас Галочка принесет нам бутерброды, или, как модно нынче говорить, – сэндвичи. – Он разлил коньяк в бокалы, поднял свой. – Сколько лет мы с тобой знакомы, Валех?

– Семь... нет, уже восемь лет, – вспомнил Валех.

– Значит, восемь. Солидный срок. Вот что я вам скажу, ребята. Все, что сейчас происходит в Литве, – это настоящий фашизм. Вы меня понимаете? Просто фашизм. Нельзя атаковать омовцами безоружных людей, подавляя их свободу. Хорошо, что пока нет крови.

– У нас такое уже было в прошлом году, – напомнил Мурад. – Тогда в январе в город вошли армейские части и убивали всех без разбора, даже детей и стариков.

– Знаю. Мне Валех все рассказывал, – кивнул Юрий. – Вот это и есть настоящий фашизм. Вместо обещанного коммунизма мы пришли к этому фашизму. Вместо перестройки – к перестрелке. Выпьем, ребята, за нас. Чтобы порядочных людей было больше. – Он залпом опустошил свой бокал.

Мурад только пригубил коньяк. Пить действительно не хотелось.

– Вы меня извините, – сказал он, – но у меня сегодня важная встреча.

– Это тебя все равно не извиняет, – усмехнулся Юрий. – Если не хочешь пить, то и не нужно. Только сиди и молчи, сделай вид, что выпиваешь. Нам так будет удобнее, и тебе хорошо. Как будто сидишь в компании и пьешь вместе с нами. Сейчас все делают вид, что им хорошо. Горбачев, который с трудом удерживается на своем месте. Ельцин, который только и мечтает его оттуда выкинуть, и мы все, которые сидим по уши в дерьме, но делаем вид, что это и была наша цель – заплыть поглубже и нырнуть, чтобы с головой и целиком. Чтобы никогда не отмыться. Ваше здоровье, ребята!

Мурад все-таки сделал два глотка и поставил бокал на столик. Он еще не знал, что этот день станет таким важным в его жизни.

Ремарка

«Под Новый год корпункт в Минске оглушили звонки со всех концов республики. Как сговорившись, люди задавали один и тот же вопрос: как распределяются подарки, присланные из-за рубежа с целью хоть как-то смягчить результаты чернобыльской катастрофы? Дойдут ли соки, медикаменты, одежда до детей, больных, престарелых?

В городе Пинске, к примеру, дошло до абсурда – два немецких автофургона разъезжали по городу и буквально выбрасывали в толпу продуктовые наборы, велосипеды, женские сапоги. Возникла потасовка, а «благодетели» благополучно скрылись.

Неорганизованность, невнимание правительства к распределению подмоги из-за рубежа привели к тому, что на Комаровском рынке в Минске торгуют импортными витаминами по рублю за штуку. Однако витамины, хоть по рублю за штуку, купить можно. Перед праздниками всех потрясло выступление в республиканской печати известной белорусской гимнастки Ольги Корбут, которая рассказала, как во время поездки в США ей была передана большая партия редких благотворительных лекарств на очень крупную сумму. Но возникла маленькая загвоздка – несколько сот долларов требовалось для холодильной камеры, иначе препараты просто не доехали бы до Белоруссии. Этих денег у наших представителей в Нью-Йорке не нашлось. Пусть, мол, заплатят американцы, они же богатые. В результате лекарства испортились.

Стране помогали, помогают и будут помогать. Щедро. Несмотря на все наше хамство, разгильдяйство и спесь. Нужно смотреть реально, дожили мы до времен, когда без этой подмоги, без всех этих Санта-Клаусов просто невозможно, хотя бы потому, что нельзя без импортных лекарств, без импортных витаминов, без импортной техники лечить чернобыльцев».

О. Егорова «Комсомольская правда», 1991 год

Глава 4

Он пытался подняться, чувствуя боль в левой ноге. К нему подскочила молодая женщина, протягивая руку.

– Какой ужас! Вы не ушиблись? Почему вы не реагировали, я ведь вам сигналила?

Эльдар что-то проворчал в ответ, все еще пытаясь самостоятельно подняться. И застонал от боли. Не хватало еще сломать ногу в первый же день выхода на работу.

– У вас сломана нога? – тревожно спросила незнакомка.

Она была в короткой дубленке, в темных вельветовых брюках, в белых сапожках, на голове светлая норковая шапочка. На вид не больше тридцати пяти. Ее «Жигули» стояли в нескольких метрах от них. Он снова попытался подняться и, опираясь на ее руку, сделал один шаг. Было так больно. Он прикусил губу, чтобы не застонать.

– Наверное, вы все-таки сломали ногу, – сокрушенно заметила женщина. – Давайте пройдем к машине, я отвезу вас в больницу. – Она открыла дверцу и отодвинула переднее кресло назад, чтобы он мог удобнее устроиться. – Поедем сразу в больницу. Пусть вам сделают рентгеновский снимок.

Эльдар согласно кивнул головой. Здесь не было милиционеров, вообще никого не было. Уже поздно и достаточно темно. В этом небольшом переулке она могла проехать дальше, даже не остановившись. Но, почувствовав удар, затормозила и вышла из салона, чтобы ему помочь.

– Как вас зовут? – спросила незнакомка.

– Эльдар, – ответил он.

– Красивое имя, говорят, что персидское.

– Почему персидское?

– Не знаю, но я так слышала. Как вы себя чувствуете?

– Кажется, нога уже меньше болит, – признался Эльдар.

– Дай бог. – Она сняла шапочку, бросив ее назад, и тряхнула длинными светло-каштановыми волосами. И вообще, она была очень красивой без этой шапочки, делавшей ее похожей на Снегурочку.

– А как вас зовут? – спросил он.

– Светлана, – ответила незнакомка и, немного подумав, добавила: – Светлана Игоревна.

– Очень приятно, – Эльдар тяжело вздохнул. – Может, вы меня высадите по дороге и я сам доберусь до больницы?

– Ни в коем случае! – возразила она. – Здесь рядом есть больница, и у меня там много знакомых. Я вас прямо туда отвезу.

Он согласно кивнул. Спорить не хотелось.

– Хорошо, что мы быстро отъехали, – озабоченно проговорила Светлана, оглядываясь назад. – У меня могли быть неприятности из-за этой аварии. Как вы себя чувствуете? – снова спросила она.

– Уже нормально, не беспокойтесь. Может, вы меня лучше отвезете домой? Я действительно чувствую себя лучше.

– Сделаем снимки, потом отвезу. Сейчас вы можете не почувствовать, а потом возможны осложнения. Знаете, как обычно бывает? А где вы живете?

– Во дворе Моссовета.

– Где?!

– Недалеко от памятника Юрию Долгорукому. Нужно въехать во двор и проехать метров триста или четыреста.

– Хорошее место, – несколько удивленно произнесла Светлана, внимательно приглядываясь к нему. – Вы не беспокойтесь, я вас потом туда отвезу. Это же совсем близко.

Через несколько минут она мягко затормозила.

– Сможете пройти или вызовем санитаров, чтобы помогли?

– Сначала постараюсь пройти сам, – пробормотал Эльдар, пытаясь выйти из салона. Когда он опустил ногу на землю, острая боль едва не свалила его с ног. Он снова прикусил губу, чтобы не застонать.

– Обопритесь на меня, – предложила Светлана, подходя к нему. Ему было неудобно опираться на женщину, поэтому он попытался запрыгнуть, но споткнулся и упал на землю.

– Что вы делаете! – бросилась она к нему.

– Давайте, я вам помогу, – рядом откуда-то появился санитар. Наверное, через стекло увидел и выбежал из больницы. Он обхватил Эльдара за талию, и они осторожно дошли до дверей. Внутри было уже проще. Ему сразу прикатили инвалидное кресло, посадили в него, не слушая возражений, и повезли на рентген.

Через несколько минут Эльдар узнал, что у него нет сотрясения мозга, что он получил сильные ушибы грудной клетки и левого бедра, а серьезные повреждения, перелом или трещина у него отсутствуют. Ему выдали специальный крем, чтобы он смазывал ушиб, второй тюбик врач передал Светлане, на всякий случай, и она бросила его в сумочку. Потом его снова посадили в инвалидное кресло и отвезли к машине.

– Вызовем лучше такси, и я уеду, – предложил Эльдар.

– Ни за что! – возразила она. – Теперь я вас точно никуда не отпущу. Слава богу, что вы целы и невредимы. Я так перепугалась, когда вы ударились о мою машину. А почему вы сказали врачу, что вы не москвич? Вы же говорили мне про свой дом во дворе Моссовета.

– Я там живу, но это не мой дом, а гостиница постпредства, – пояснил Эльдар.

– Значит, вы командировочный, – улыбнулась Светлана. – Тогда все понятно. Хотя для гостя вы слишком хорошо говорите по-русски.

– А я должен говорить с акцентом? – спросил он, уже самостоятельно поднимаясь с кресла и пересаживаясь в салон машины.

Светлана села за руль и мягко тронулась с места.

– Просто я привыкла, что все грузины обычно говорят с акцентом. У нас был друг семьи, Эльдар Гурабанидзе, он сейчас работает в Африке.

– Эльдар – часто встречающееся имя не только у персов или грузин, но и у других народов. Например, есть известные кинорежиссеры Эльдар Рязанов и Эльдар Шенгелая. Но я – азербайджанец, из Баку.

– Тогда понятно. Земляк Муслима Магомаева, моего любимого певца. Вы даже чем-то на него похожи. Приехали погулять в Москву?

– Нет, работать.

– Хотите устроиться на работу, – кивнула Светлана. – Сейчас трудно найти работу по специальности, особенно в Москве. Да и платят не очень много. Боюсь, что ничего приличного вы не найдете. Плохие времена...

– Ничего, – улыбнулся Эльдар, – я уже нашел место в одном приличном учреждении.

– Тогда вам повезло, – кивнула она, посмотрев на часы. – Ой, кажется, я опаздываю. Какой кошмар! Можно я на секунду остановлю машину и позвоню из автомата?

– Конечно звоните, я никуда не тороплюсь, – согласился Эльдар. – Вы ведь потратили на меня целый час.

Она остановила машину и побежала к телефону-автомату. Там уже разговаривал какой-то мужчина, и она замерла, нетерпеливо переступая с ноги на ногу. Он впервые подумал, что Светлана – очень красивая женщина. Словно угадав его мысли, она оглянулась, слегка улыбнулась и продолжала терпеливо ждать, когда наконец освободится автомат.

Через минуту мужчина ушел, и она поспешила к телефону. Очевидно, услышанные ею новости оказались не очень приятными. Было заметно, как дернулось у нее лицо, как она

несколько раз что-то переспросила, потом растерянно повесила трубку и отошла от автомата. У нее было такое отрешенное выражение лица, что Эльдар уже собирался выйти к ней из машины, но она приблизилась, медленно уселась на свое место и посмотрела на него.

– Простите, Эльдар, но, кажется, я не смогу отвезти вас домой. Вы не беспокойтесь, я сейчас поймаю для вас такси. Если у вас нет денег...

– У меня есть деньги, – прервал ее Эльдар. – Объясните, что случилось?

– Нет, ничего, – как-то растерянно произнесла Светлана. – Ой, какой кошмар! – Она неожиданно положила голову на руль и заплакала.

Он сидел ошеломленный, не зная, что именно следует делать, только еще раз попросил:

– Скажите, что случилось. Может, я смогу вам чем-то помочь?

– Нет, – подняла она голову, – нет, нет. Извините, что я так глупо себя веду... Но... но погиб мой брат. Я сейчас говорила с его женой. Он два дня не отвечал на звонки, а ее не было в городе. А когда вернулась домой, то нашла его... нашла его убитым в своей квартире.

– Где он жил?

– Здесь, недалеко. Около Белорусского вокзала. Я сейчас поеду прямо туда. Они уже все там. Он был... понимаете, он был очень известным человеком. Извините, сейчас поймаю такси.

– Поедем вместе, – решительно проговорил Эльдар. – Может, я понадоблюсь...

– Для чего? Его уже убили. Там работают следователи прокуратуры и сотрудники милиции. Спасибо за сочувствие, но, извините, сейчас я просто не могу разговаривать. – Уже немного успокоившись, Светлана достала из сумочки пудреницу и посмотрела на себя в зеркальце.

– Поедем вместе, – настойчиво повторил Эльдар, – мне нужно увидеть, что там произошло. Возможно, моя помощь пригодится.

– Чем можно помочь в такой ситуации? – вздохнула она.

– Я семь лет работал в органах прокуратуры, расследовал более сотни тяжких и особо тяжких преступлений. Поедем вместе, скажете, что я ваш знакомый.

– Вы действительно работали в прокуратуре? – удивленно посмотрела на него Светлана.

– Не похож?

– Мне казалось, что вы недавний выпускник. Только закончили институт и приехали сюда, чтобы найти работу. Вы же сами мне говорили...

– Я не говорил, что приехал устраиваться. Я сказал, что приехал сюда работать. Ну, что, поехали?

Светлана ничего не ответила, и машина, набирая скорость, помчалась в сторону Белорусского вокзала.

– Может, лучше я сяду за руль? – предложил Эльдар. – Не беспокойтесь, я не студент, и у меня есть права. Могу их вам показать.

– Не нужно, – улыбнулась сквозь слезы Светлана. – А сколько вам лет?

– Тридцать два.

– Странно. Очень странно. Обычно кавказские мужчины выглядят старше своих лет, а вы – гораздо моложе.

– Этот недостаток проходит со временем, – невесело заметил Эльдар. – Не будет большим хамством, если я спрошу, сколько вам лет?

– Не будет. Мне тридцать девять.

– Я думал, меньше.

– Хватит, – грустно улыбнувшись, попросила она, – я сейчас не готова к вашим комплиментам.

– Чем занимался ваш брат?

– Он был пианистом, народным артистом. Может, слышали, Вячеслав Томин? Его выступления часто передают по телевизору. По второй программе.

– Может быть. Я обычно не обращаю внимания на имена исполнителей, когда слушаю музыку.

– Ну, да, как и все остальные.

– Значит, вы – Светлана Томина?

– Нет, – ответила она, – я Светлана Скороходова, по мужу.

– Муж тоже пианист? – уточнил он.

– Нет. Он дипломат. Сейчас работает нашим послом в Берне.

– Тогда все понятно. Много времени проводите за границей?

– В последние десять лет – много. Но это не всегда так хорошо, как некоторые полагают. Мы были и в Африке, и в Латинской Америке. А там не везде нормальные условия для проживания.

– А сколько лет было вашему брату? – спросил Эльдар.

– Сорок три. Он старше меня на четыре года. В последнее время много пил, у него тряслись руки. Это не нравилось его жене, поэтому они часто ссорились. Последние несколько дней он был один, а она жила на даче. Поэтому мы все волновались, что его телефон не отвечает. А сегодня вернулась жена и открыла дверь своим ключом... Представляю, как она переживает. И наверняка вызвала своего брата, он у нас большой начальник в милиции.

– Кем он работает?

– Заместителем министра внутренних дел России.

– Тогда расследование проведут достаточно оперативно, – согласился Эльдар. – А как его зовут?

– Ванилин. Георгий Николаевич Ванилин. Слышали о таком?

– Нет, не слышал.

– Он раньше служил в Молдавии, лет десять или двенадцать. А потом его перевели в Москву. Его сестра – взбалмошная особа, вечно ругалась с моим братом. Хотя ее тоже можно понять, он много пил в последнее время. Как будто в нем что-то сломалось. Сама не понимаю, почему я вам все это рассказываю. Вы действительно работали в прокуратуре?

– Работал, – подтвердил Эльдар.

Они доехали до вокзала, и она, повернув машину налево, пробормотала:

– Кажется, я сделала глупость. Нужно было посадить вас на Горького. Сама не понимаю, почему я вас сюда привезла. Но я была в таком состоянии...

– Не волнуйтесь, – успокоил ее Эльдар, – я только постараюсь помочь, если смогу.

Они въехали во двор, где уже стояли сразу три милицейских автомобиля и машина «Скорой помощи». Собралась небольшая толпа соседей. Светлана припарковалась и поспешила к подъезду. Затем, вспомнив про Эльдара, обернулась. Он медленно вылез из машины и сделал несколько шагов. Было больно, но терпимо.

Она взяла его за руку, и они вместе вошли в подъезд. У кабины лифта стоял сержант милиции. Посмотрев на них, он отвернулся, очевидно решив, что это пара из соседней квартиры. Они поднялись на четвертый этаж. У дверей стоял еще один сотрудник милиции. На этот раз он перегорел им дорогу.

– Я – сестра Вячеслава Томина, – твердо сказала Светлана, – а это мой друг. Пропустите нас.

Милиционер посторонился, пропуская их. Войдя в квартиру, Светлана сразу бросилась в кабинет, где на полу лежало уже накрытое простыней тело ее брата. В соседней комнате сидела его супруга, женщина лет сорока, со злым и уставшим лицом. Увидев Светлану, она покачала головой.

– Я всегда знала, что этим все и закончится.

Светлана отвернулась. Она боялась, что снова расплачется. Эльдар осмотрел комнату. Очевидно, неизвестный убийца был знаком с погибшим. Все окна закрыты, дверь не взломана.

Рядом с убитым расплывалось небольшое пятно крови – значит, погибшего застрелили. Увидев незнакомца, молодой следователь нахмурился и тихо спросил:

– Кто вы такой?

– Я друг его сестры, – пояснил Эльдар, – хотел посмотреть, что здесь произошло.

– Убийство. Только выйдите, пожалуйста, отсюда, не мешайте работать.

Эльдар осторожно вышел из кабинета. В соседней комнате появился неизвестный мужчина в штатском. По его уверенному голосу и манерам было понятно, что он чувствует себя здесь хозяином. Мужчине было лет сорок пять. Короткая прическа, грубые черты лица, светлые глаза. Он подошел к супруге погибшего.

– Успокойся, Изольда. Успокойся и осмотри весь дом. Нужно понять, что у вас пропало. Нам важно получить от тебя полную опись пропавших вещей. – Мужчина обернулся, увидел Светлану и хмуро произнес:

– Здравствуйте, Светлана Игоревна. Вот видите, что здесь произошло. Никто такого не ожидал. Но вы не волнуйтесь. Мы найдем мерзавцев, которые это сделали.

– От этого мне не легче, – вздохнула Светлана.

Ванилин перевел взгляд на Эльдара.

– А это кто такой? Что ты здесь делаешь? Кто тебя пустил?

– Он со мной, – быстро ответила Светлана.

– Это ваш водитель?

– Нет, это мой знакомый... мой друг, – поправилась она.

– Не нужно приводить друзей в такие места, – недовольно выговорил Ванилин, – здесь не цирк и не театр. Покиньте помещение, молодой человек. Зачем вы его привезли, Светлана Игоревна?

– Он раньше работал в прокуратуре.

– Наверное, стажировался, – усмехнулся Ванилин. – Но нам стажеры не нужны. Я вызвал профессионалов, сейчас подъедут сотрудники МУРа и заместитель начальника ГУВД города. А вы немедленно покиньте помещение, – сказал он, не глядя на Эльдара.

– Я не стажировался, – попытался объяснить Эльдар, – я работал в органах прокуратуры больше семи лет.

– С чем вас и поздравляю, – отмахнулся Ванилин. – Тогда тем более вы должны знать, что посторонним нельзя присутствовать на месте преступления. Вы только помешаете следователю и экспертам осматривать квартиру.

– Он пришел со мной, – повысила голос Светлана.

– Все равно он должен выйти, – упрямо повторил Ванилин, проходя в кабинет.

– Упрямый осел, – пробормотала Светлана и виновато посмотрел на Эльдара: – Извините, что все так получилось. Здесь недалеко. Я спущусь с вами и поймаю вам машину.

– Не нужно, – улыбнулся он. – А вы мужественный и красивый человек. Вам никто об этом не говорил?

– Мужественный, наверное, потому, что сбила вас на своей машине, – тихо сказала она, отводя глаза.

В этот момент в квартиру вошли трое сотрудников милиции. Один был в генеральской форме, двое других в штатском. Увидев вошедшего, Ванилин радостно протянул ему руку.

– Здравствуй, Виктор, спасибо, что так быстро приехал.

– Меня сегодня в ЦК вызывали, – сообщил генерал. Это оказался Сергеев, с которыми Эльдар познакомился в Секретариате ЦК.

– Утвердили?

– Рекомендовали утвердить, – кивнул он.

– Поздравляю. А у нас, видишь, какие неприятности происходят. Уходите, – повернулся он к Эльдару. – Я же сказал, чтобы вы отсюда вышли. Сколько можно просить? Или вывести вас

с милицией? Сержант, – обратился он к стоявшему у дверей сотруднику милиции, – выведите отсюда этого молодого человека.

– Здравия желаю, товарищ Сафаров, – вдруг козырнул генерал Сергеев.

Ванилин от изумления раскрыл рот. Остальные замерли.

– Добрый вечер, – ответил Эльдар.

Ванилин, все еще думая, что его разыгрывают, переводил взгляд с прибывшего Сергеева на молодого человека. Эльдар обернулся и увидел расширенные от любопытства и изумления глаза Светланы.

– Кто вы такой? – прошептала она, подходя ближе.

– Познакомьтесь, – представил его Сергеев. – Это новый куратор нашего министерства из административного отдела ЦК КПСС Эльдар Кулиевич Сафаров. Сегодня его утвердили в этой должности.

Ремарка

«Утвержден бюджет страны на 1991 год. Дефицит составляет 26 663 149 000 рублей. При обсуждении различных статей бюджета депутаты неоднократно возвращались к теме колоссального дефицита в проекте бюджета. И всякий раз министр финансов страны напоминал парламентариям печальную истину – для выполнения принятых самим Верховным Советом программ по повышению жизненного уровня малообеспеченных слоев населения в казне нет нормальных денег. Поэтому, принимая этот чрезвычайный бюджет, требовалось найти и реализовать законодательные источники пополнения бюджета. Пятипроцентный налог с продаж и есть тот самый способ «сброситься» всем народом для поддержки малоимущих».

«Известия», 1991 год

Ремарка

Внешняя задолженность СССР растет. К такому выводу пришли специалисты из Всемирного банка, одного из крупнейших международных финансовых учреждений Запада. По их данным, опубликованным в немецкой газете «Вельт», уже в конце 1989 года внешняя задолженность СССР составляла 54 миллиарда долларов, а в 1990 году увеличилась еще на 4,2 миллиарда. А по данным Генерального директора Австрийского контрольного банка Хельмута Хашека, обязательства Советского Союза перед Западом выросли в 1990 году до 68,8 миллиарда долларов. Причем только 40% этой суммы составляют долгосрочные, то есть наиболее выгодные и льготные обязательства.

Высока и норма обслуживания этого долга. В 1991 году на это уйдет 8,3 миллиарда долларов, или 21% всех экспортных поступлений СССР. Причем в минувшем 1990 году Советский Союз одолжил на мировых финансовых рынках и у отдельных государств намного меньше, чем в предыдущие годы. Однако произошло это не потому, что улучшилось финансовое положение СССР, а потому, что в этом году мы попали в разряд сомнительных должников и нам весьма неохотно ссужают деньги.

Конечно, в разочаровании западных кредиторов немалую роль играет и политическая нестабильность в СССР. В итоге если еще в 1988 году СССР считался первоклассным заемщиком, то в 1990 году один из главных наших кредиторов, немецкие банки, уже, как правило, не желали предоставлять нам займы, если их на 90 или даже на 95% не гарантировало правительство ФРГ. И при этом еще многие считают, что заключают рискованные сделки. Именно поэтому Вильгельм Кристианс, председатель наблюдательного совета «Дойче банк» – одного из главных наших партнеров на Западе, совсем недавно подчеркнул, что без гарантий его банк не даст больше СССР займы ни одной марки.

Глава 5

Он работал с документами, когда позвонил его пресс-секретарь Игнатенко. Горбачев ценил этого толкового журналиста за чувство юмора, оригинальность мышления и интеллект.

– Слушаю тебя, – сказал он, поднимая трубку.

По сложившейся практике нельзя было звонить вышестоящему лицу, пока он сам не захочет с тобой разговаривать. Но, очевидно, произошло нечто исключительное, если Игнатенко решился позвонить сам.

– Извините, что беспокою вас, Михаил Сергеевич, – начал пресс-секретарь, – дело в том, что у меня очень важная новость.

– Что случилось? – нахмурился Горбачев, привыкший в последние дни только к плохим новостям.

– Только что по каналам ТАСС передали заявление Марлина Фицуотера, пресс-секретаря президента США, который заявил, что ваша встреча может быть отложена, – сообщил Игнатенко.

– Так, – сказал Горбачев, чувствуя, как в нем нарастает раздражение. – Значит, хотят отложить встречу в верхах... Как они это объясняют?

– Пока он сказал только, что такая возможность есть. У меня должен быть брифинг, и меня обязательно спросят об этом заявлении Фицуотера.

– Понятно. Что ты собираешься им отвечать?

– Что такая «возможность» не исходит от Москвы. Мы считаем, что любая встреча может сорваться по независящим от нас причинам, но настроены на реальное продолжение сотрудничества.

– Хорошо, – одобрил Горбачев, – так и скажи. Это будет правильно. Что еще?

– Мне подготовили список вопросов, которые могут интересовать зарубежных журналистов. Почему десантники отлавливают призывников, что происходит в Литве, как прошла ваша последняя встреча с Ельциным, что будет с Шеварднадзе? Это основные вопросы, которые их будут волновать. Я хотел согласовать с вами ответы на них.

– Ты заранее знаешь, какие вопросы тебе будут задавать, – невольно улыбнулся Горбачев.

Игнатенко был не только толковым сотрудником, но и профессиональным журналистом. Он работал заместителем генерального директора ТАСС и главным редактором журнала «Новое время». А в перерыве между этими двумя должностями почти восемь лет занимал место заместителя заведующего отделом международной информации ЦК КПСС и хорошо знал свою работу. Через два года, когда он будет во главе агентства ИТАР-ТАСС, в его ведомство ворвутся вооруженные оппозиционеры, которые потребуют передать на весь мир сообщение о низложении Ельцина и передачи власти Руцкому. Внешне интеллигентный, мягкий, даже какой-то гуттаперчевый, Игнатенко проявит настоящее гражданское мужество и откажется передавать подобную информацию под дулом направленных на него автоматов. Глупые люди иногда принимают интеллигентность за слабость, не понимая, что она и есть настоящая сила.

– Мы всегда готовимся к нашим пресс-конференциям, – пояснил Игнатенко.

– Очень хорошо. Насчет Ельцина можешь сказать, что мы не смогли договориться. Пусть все знают, нам скрывать нечего. В Литве идут сложные процессы, но мы пытаемся держать ситуацию под контролем. А десантники помогают военкоматам. Нельзя, чтобы призыв этого года полностью сорвался. Не только в Прибалтике, но и в Грузии, и Армении отказываются призывать парней в армию. Так мы развалим нашу армию. Что еще?

– Вопрос Шеварднадзе, – терпеливо напомнил Игнатенко.

– Можешь сказать, что пока мы ищем его преемника и мы регулярно с ним встречаемся. Что-то в этом роде.

– Понятно. Я вам позвоню сразу после приезда.

– Хорошо. – Горбачев положил трубку и подумал, что, если Буш отменит встречу, это будет совсем некстати.

Перед ним лежал список с фамилиями литовских политиков. Это был список кабинета Казимиры Прунскене, которая терпеливо ждала в приемной, когда он ее примет. Два вице-премьера – Бразаускас, бывший первый секретарь ЦК компартии Литвы, и Озалас, недавно вышедший из партии. Литератор. Горбачев нахмурился. Все эти писатели и музыканты начинают требовать независимости в первую очередь, как будто им так плохо жилось в Союзе. Министр экономики Навицкас, министр внутренних дел Масюконис, министр иностранных дел Саударгас, министр финансов Сикорскис, министр культуры Куолис... Хорошо, что у них хватило ума не назначать министра обороны. Хотя Ельцин, кажется, собирается назначить генерала Кобеца министром обороны России. Интересно, как он себе это представляет? Российская армия против советской. Бред какой-то! Он еще раз просмотрел список министров. Из Комитета госбезопасности прислали справку на каждого министра. Здесь были их склонности, привычки, недостатки, достоинства. Все равно он никого из них не знает, кроме Бразаускаса, и считает его надежным и спокойным человеком.

Горбачев помнил, как разговаривал с Бразаускасом перед его назначением в 88-м году. Тогда, проработавший одиннадцать лет секретарем ЦК по промышленности и строительству, Бразаускас казался идеальной кандидатурой на должность лидера республики. Он во всем соглашался с Горбачевым, молча выслушивал его наставления. Кто мог подумать, что уже через год все так повернется? Кто мог поверить, что Литва, а вслед за ней и другие прибалтийские республики захотят выйти из состава СССР?

– Скажите товарищам, чтобы зашли, – нажал он кнопку селектора.

Кроме премьер-министра Литвы, в приемной находились министр финансов Павлов и вице-премьер Маслюков. Все трое вошли в кабинет Горбачева по очереди. Мужчины пропустили даму вперед. Горбачев пожал ей руку, с любопытством глядя на женщину, взвалившую на себя нелегкое бремя в такое сложное время. Потом пожал руки остальным и пригласил за стол. Прунскене села с левой стороны от него, двое других – справа, словно не решаясь садиться рядом с ней.

– Я хотел встретиться с Казимирой Данутовной, чтобы узнать позицию Литвы, – начал Горбачев. – Вы знаете, что со второго числа административные здания республики охраняются сотрудниками МВД и Министерства обороны СССР. Мы хотим избежать любых провокаций. – Он хотел добавить «товарищ Прунскене», но, подумав, сказал «госпожа Прунскене», что явно не понравилось Маслюкову. Тот даже нахмурился, но не решился возразить.

– Мы тоже хотим избежать любых провокаций, – Прунскене говорила по-русски хорошо, но с заметным литовским акцентом, – но союзное правительство полностью перекрыло нам все экономические связи. В республику не поступает продукция, нет поставок сырья, электроэнергии, других ресурсов. При продолжении подобной блокады мы не сможем нормально функционировать.

– По-моему, Литва хотела отделиться от Союза, а не Союз от Литвы, – напомнил Горбачев. – Я говорил, что мы должны быть вместе, а теперь, когда сорваны поставки в вашу республику, вы упрекаете нас в надуманной блокаде. Но это вы приняли законы о национализации своего банка, о сохранении налогов в республике, о нефинансировании коммунальных служб воинских частей, расположенных на территории республики, и военкоматов, осуществляющих призывы в армию.

– Это было решение Верховного Совета нашей республики, – попыталась объяснить Прунскене.

– У товарища Павлова есть все документы по Литве, – показал на министра финансов Горбачев, – он может вас с ними ознакомить.

– Он мне их уже показал, пока мы ждали в приемной, – сказала Прунскене, – но это не объяснение. Мы должны выводить нашу республику из экономического кризиса и собираемся...

– Из политического кризиса, – резко подчеркнул Горбачев, перебивая свою собеседницу, – который возник по вине литовской стороны.

– Мы хотим провести реформу нашей экономики. Я приехала в Москву как хозяйственник, а не как политик, – примирительно произнесла Прунскене.

– А я говорю с вами как политик, – оборвал ее Горбачев. – Мы потратили на ненужные разговоры целый год, вы так ничего и не поняли. Я хочу вам сразу сказать, что Литва должна отменить все законы, принятые за последние два года, начать сотрудничество во всех областях – перечисление налогов в Центр, финансирование коммунальных служб всех воинских частей, дислоцированных на вашей территории. Только при этих условиях мы сможем двигаться навстречу друг другу.

– Но наш парламент не согласится на такие условия, – возразила Прунскене.

– Тогда пусть выбирают другой парламент. У вас в республике есть здоровые, крепкие силы, на которые ваше правительство может опереться. – Он помнил абсолютно секретную информацию Крючкова, поэтому позволял себе разговаривать именно в таком тоне. Она все равно должна уйти, чтобы спровоцировать кризис, разрешением которого должны заняться другие люди.

– В сложившейся обстановке мы не сможем ничего сделать, и мое правительство просто вынуждено будет уйти в отставку, – в голосе Прунскене прозвучали нотки возмущения.

– Это ваше право, – сказал Горбачев, поднимаясь и давая понять, что разговор закончен.

На прощание он никому руку не пожал. Когда Маслюков последовал за Прунскене, задержал Павлова, тоже собиравшегося выйти:

– Валентин Сергеевич, ты можешь остаться.

Павлов повернулся и согласно кивнул головой. Закрыв дверь за ушедшими и вернулся к столу.

– Я ей все объяснил, – сказал он, усаживаясь на место, – никаких поблажек больше не будет. Или они соблюдают все наши законы, или пусть пеняют на себя.

– Только не перегибайте палку, – предупредил Горбачев, – там тоже живут наши, советские люди.

– Именно поэтому мы и хотим помочь нашим, – ответил Павлов.

Он уже несколько дней знал, что президент собирается предложить ему место заболевшего Рыжкова.

– Я буду вносить твою кандидатуру на должность председателя Совета министров, – сообщил Горбачев, – как я тебе раньше и говорил. Конечно, нужно было немного подождать, пока мы проведем твою реформу, но у нас просто нет времени, Николай Иванович так неожиданно заболел... Что у нас по реформе?

Павлов огляделся, словно его могли здесь подслушивать, придвинул стул к столу и, раскрыв свою папку, сообщил:

– У нас все готово, деньги напечатаны. Мы разошлем конверты с указанием, когда их вскрывать, как обычно делают в таких случаях. И затем начнем реформу...

– Считаешь, что нам нужно на это пойти?

– Обязательно. В стране слишком много неучтенных денег. Слишком много налички, которая давит на нашу экономику. Я уже не говорю о национальных республиках, каждая из которых вводит свои собственные ограничения и препоны для нормального функционирования денежной массы. Наша реформа просто необходима.

– Когда думаешь проводить?

– Через несколько дней.

– Сначала мы утвердим тебя председателем Совета министров, а потом ты проведешь реформу, – предложил Горбачев. Он подумал, что в любом случае виноват будет Павлов. При любом исходе денежной реформы люди поймут, что именно этот чиновник виноват в непродуманной денежной реформе. А если все пройдет нормально и экономика заработает, все плюсы припишут президенту страны. Да, нужно поскорее утверждать Павлова. – Я поговорю с Лукьяновым, чтобы тебя утвердили как можно быстрее, – пообещал он.

– Спасибо, – кивнул Павлов. Он не сказал, что будет изо всех сил стараться оправдать доверие партии и лично ее Генерального секретаря. Это Горбачеву не понравилось. С другой стороны, Павлов был толковым финансистом, и об этом говорили все окружавшие президента советники.

– Что у нас с Геращенко? – спросил Горбачев, невольно понизив голос.

– Все в порядке. Завтра утром он вылетает в Саудовскую Аравию через Иорданию. Они полетят втроем с двумя нашими сотрудниками. У них частные визы, и никто не знает о цели их визита, – подчеркнул Павлов.

– Хорошо, – сказал после недолгого молчания Горбачев, – никто и не должен узнать.

Эта была самая большая тайна, которая скрывалась многие годы. После нападения Ирака на Кувейт Советский Союз неожиданно изменил свою позицию, поддержав в Совете Безопасности ООН санкции, введенные против Саддама Хусейна, и даже ультиматум в его адрес. Подобного иракский лидер явно не ожидал. Даже в страшном сне Хусейн не мог представить, что его предадут бывшие союзники. Советский Союз к концу 90-го года находился на грани экономического коллапса. Денег в казне почти не было, экономика работала с большими сбоями, привычные связи между регионами были нарушены, производство и валовый продукт падали ужасающими темпами. Во многих республиках и областях реальностью становился голод и холод жителей. Именно поэтому в этих условиях руководство Советского Союза пошло на беспрецедентный шаг – согласилось принять деньги от шейха Кувейта и короля Саудовской Аравии в обмен на свое молчаливое согласие возможной войны союзников против Ирака. Конечно, с нравственной точки зрения руководство СССР поступало дурно. Но с точки зрения практической и прагматической все было нормально. СССР получал довольно большие деньги за свое понимание ситуации, отказавшись поддержать явного агрессора. Потом это назовут «новым мышлением». Геращенко полетит в арабскую страну, где получит адреса банков, куда будут переведены деньги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.